

ДЖЕЙМС ОЛИВЕР КЕРВУД

Казан

ПАЛЬМИРА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

УДК 82/89
ББК 821.111(73)
К36

JAMES OLIVER CURWOOD
Kazan
1914

Перевел с английского М. П. Чехов

Кервуд Дж. О.

К36 Казан : [роман] / Джеймс Оливер Кервуд ; [пер. с англ. М. П. Чехова]. — М.; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2020. — 210 с. — (Серия «Пальмира — природа»).

ISBN 978-5-517-01771-0

Повесть о судьбе Казана, дикого пса с примесью волчьей крови, увлекательнее любого приключенческого романа. Волчья натура проявляется в нем, неукротимом бойце, и влечет в лесную чащу, а собачья помогает выбрать хозяина, чтобы преданно служить ему всеми силами дикого зверя. Инстинкты разрывают его на части; претерпев множество лишений, столкнувшись с горем и жестокостью, Казан не утратит благородства и обретет свой дом по велению самой природы, руководящей всеми живыми существами в мире.

УДК 82/89
ББК 821.111(73)

© Оформление.
АО «Т8 Издательские
Технологии», 2020

ISBN 978-5-517-01771-0

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Чудо из чудес

Казан лежал молча и неподвижно, положив серый нос между двух передних лап и полужакрыв глаза. Менее безжизненной не могла бы показаться даже скала: в нем не дрожал ни один мускул, не шевелился ни один волосок. И все-таки каждая капля дикой крови в его прекрасно сложенном теле волновалась так, как еще ни разу в жизни; каждый нерв, каждый фибр в его удивительных мускулах был натянут, как стальная проволока. На четверть — волк и на три четверти — ездовая собака, он уже четыре года прожил в самой дикой обстановке. Ему знакомы были муки голода. Он знал, что такое жестокий мороз. Он умел вслушиваться в жалобный вой ветров, дувших в долгие арктические ночи над тундрой. Он слышал рев потоков и водопадов, и его не раз засыпало снегом в величественной сумятице зимних бурь. Его шея и бока были все в шрамах от драк, а глаза красны от яркого блеска снегов. Его называли Казан, что значит Дикая Собака, потому что он представлял собою среди других собак настоящего гиганта и был так же отважен, как и те люди, которые ехали на нем, побеждая опасности полярных земель.

Вплоть до недавнего времени Казан никогда не знал страха. Он ни разу в жизни не ощущал в себе желания

бежать от опасности, даже в тот ужасный день, когда ему пришлось однажды сцепиться в лесу с громадной серой рысью и загрызть ее. Казан не знал, что могло бы его испугать, но отлично понимал теперь, что находился в каком-то другом мире, в котором было множество поводов для того, чтобы удивиться и испытать настоящий страх. Таково было его первое впечатление от цивилизации. Ему хотелось, чтобы Торп, его хозяин, как можно скорее вернулся к нему обратно в эту странную комнату, в которой так надолго оставил его одного. Это была комната, обставленная какими-то неприятными предметами. Со стен смотрели на него странные лица, но они не двигались и не говорили, а уставились на Казана с таким выражением, какого он еще ни разу не замечал у людей. Он помнил, как однажды его хозяин лежал неподвижно на снегу, заоченев от холода, а он сам в это время сидел на задних лапах, смотрел на него и жалобно выл от предчувствия летавшей вокруг них смерти. Но эти люди на стенах смотрели, как живые, а казались покойниками.

Вдруг Казан насторожил уши. До него донеслись шаги, а затем и отдаленные голоса. Один из голосов принадлежал его хозяину. А другой вдруг заставил его задрожать. Однажды, когда-то давным-давно, когда он был еще щенком, так что это могло бы даже показаться сном, Казан слышал чей-то смех, каким обыкновенно смеются девушки: тот самый, полный радостного счастья и какой-то удивительной ласковости смех, который заставил теперь его поднять голову, когда эти двое вошли. Он уставился на них, и его красные глаза вдруг вспыхнули. Он тотчас же понял, что эта девушка была дорогá для его хозяина, потому что тот сразу же ее крепко обнял. Когда вспыхнул огонь, Казан заметил, что у нее были очень светлые волосы, здоровый, розо-

вый цвет лица и ясные, голубые, точно васильки, глаза. Увидав его, она вдруг вскрикнула и бросилась к нему

— Осторожнее! — крикнул мужчина. — Он опасен! Казан...

Но она была уже около собаки и опустилась перед нею на колени, такая пушистая, веселая и красивая, глаза у нее сияли и руки уже готовы были его обнять. Отстранится ли от нее Казан? Бросится ли он на нее? Была ли она для него из тех людей, которые смотрели на него со стен, и вообще враг ли она для него? Не схватить ли ему ее прямо за белое горло? И он увидел, что мужчина подскочил к нему, бледный как смерть. А затем девушка все-таки коснулась Казана рукой, и он вдруг почувствовал, как от этого ее прикосновения по каждому его нерву вдруг пробежала дрожь. Обеими руками она повернула его голову к себе. Она приблизилась к ней лицом, и он услышал, как чуть не со слезами она сказала:

— Так это ты, Казан, мой милый, дорогой Казан, мой герой, который принес его ко мне, когда все остальные поумирали! Мой Казан, мой герой!

И затем, чудо из чудес, она прижалась к нему лицом, и он почувствовал от этого прикосновения теплое, сладкое ощущение.

Все это время Казан не шевелился. Он едва дышал. Прошло много времени, прежде чем девушка подняла от него лицо. И когда она это сделала, то ее глаза блестели от слез, а над нею и Казаном стоял мужчина, стиснув зубы и держа руки наготове.

— Вот уж никогда не думал, — сказал он в крайнем удивлении, — что он позволит кому-нибудь прикоснуться к себе голыми руками. Отодвинься-ка назад, Изабелла. Но что это такое? Посмотри-ка!

Казан тихонько заскулил и уставился своими красными глазами девушке в лицо. Ему хотелось, чтобы она

снова погладила его рукой; он желал лизнуть ее прямо в лицо. Побьют ли его палкой, казалось, думал он, если он осмелится на это? Теперь уж он вполне безопасен для нее. Он может броситься за нее на кого угодно. И он пополз к ней на животе, дюйм за дюймом, не спуская с нее глаз. Он слышал, как мужчина воскликнул: «Но что это? Посмотри-ка!» — и весь задрожал. Но никто не ударил его, чтобы он отскочил назад. Он коснулся пастью ее легкого платья, и она, нисколько не отстранившись от него, посмотрела на него влажными глазами, блиставшими, как звезды.

— Смотри! — прошептала она. — Смотри!

На полдюйма, на дюйм, на два дюйма ближе — и он всем своим большим серым телом подполз к ней вплотную. Теперь уж его морда медленно стала искать ее ног, ее коленей и наконец коснулась ее теплой маленькой руки, лежавшей на коленке. Его глаза все еще были устремлены на нее: он видел казавшееся ему странным трепетание в ее белом открытом горле и как затем задрожали у нее губы, и с удивлением посмотрел на мужчину. Он тоже, в свою очередь, опустился на колени около них и одной рукой обнял девушку за талию, а другой стал гладить собаку по голове. Казан не любил его прикосновения. Он не доверял ему, так как природа научила его относиться с недоверием к прикосновению к нему рук всех мужчин вообще; но он терпел это теперь потому, что замечал, что это нравилось и девушке.

— Казан, старый приятель, — обратился к нему ласково хозяин, — ведь ты не будешь трогать ее, не правда ли? Мы оба будем любить ее! Хорошо? Она теперь наша. Ты понимаешь, Казан, она теперь вся целиком наша с тобой! Она теперь твоя и моя, и мы положим за нее всю нашу жизнь. И если нам с тобой когда-нибудь при-

дется защищать ее, то мы будем драться, как дьяволы. Не правда ли? Как ты думаешь, Казан?

И еще долгое время, когда они уже отошли от собаки и оставили ее лежать на разостланной шкуре по-прежнему одну, Казан все еще не сводил глаз с девушки. Он прислушивался и наблюдал, и с каждой минутой ему все больше и больше хотелось подползти к ним обоим и лизнуть девушку в руку, в платье или в ногу. Немного спустя его хозяин сказал что-то девушке, и она со смехом подбежала к чему-то большому, четырехугольному и блестящему, стоящему поперек угла и вдруг оскалившему такой длинный ряд белых и черных зубов, что с ним не смог бы сравниться по длине даже и весь Казан. Он удивился, увидев такие зубы. Девушка коснулась их своими пальцами, и все завывание ветров, которое он когда-либо слышал, вся музыка водопадов и речных быстрин, все песни птиц весенней порой сразу же побледнели для него при тех звуках, которые полились из-под этих зубов. Это была первая музыка, которую он услышал. В первую минуту она заставила Казана вздрогнуть и даже испугала его, а затем он почувствовал, что это был вовсе не страх, а какой-то странный зуд, вдруг пробежавший по всему его телу. Ему вдруг захотелось сесть на задние лапы и завывать, как он обыкновенно был на биллионы звезд, рассеянных по небу в холодные зимние ночи. Но что-то удержало его от этого. Удержала именно девушка. Он стал медленно подползать к ней на животе, но, почувствовав на себе взгляд мужчины, остановился. А потом опять пополз, но только чуть заметно, по одному дюйму в редкие промежутки времени, вытянув далеко вперед шею и положив морду прямо на пол. Он был уже на самой середине комнаты, как раз на полпути к девушке, как вдруг эти удивительные звуки стали замирать и зазвучали низко-низко.

— Продолжай! — быстро заговорил мужчина. — Продолжай еще! Не останавливайся!

Девушка обернулась, посмотрела, как собака ползла на животе по полу, и стала играть еще. И мужчина все еще смотрел на Казана, но его взгляд уже не мог отогнать его назад. Казан продвигался все ближе и ближе, пока наконец его вытянутая морда не коснулась ее платья, в складках лежавшего на полу. А затем он весь задрожал, потому что она стала петь. Он слышал и раньше, как мурлыкали перед своими вигвамами индейские женщины, слышал дикий рев индейцев, распевавших свою обычную песню про оленя, но чтобы такая удивительная приятность могла вдруг слетать с губ девушки, он не мог себе даже и представить. Теперь уж Казан совсем забыл о присутствии своего хозяина. Спокойно, исподтишка, так, чтобы она не заметила, он поднял голову. Но она все-таки посмотрела на него; в ее глазах для него было что-то такое, что внушало ему доверие, и он положил ей голову прямо на колени. А потом и сама девушка коснулась его рукой, и с глубоким, продолжительным вздохом он зажмурил глаза. Музыка закончилась. Над ним раздался легкий, трепетавший звук — не то смех, не то рыдание. Он услышал затем кашель своего хозяина.

— Я всегда любил этого пса, — сказал хозяин, — но никак не мог ожидать от него ничего подобного.

И Казану показалось, что его голос тоже дрожит.

ГЛАВА ВТОРАЯ

На север!

Для Казана потянулись удивительные дни. Он позабыл о лесах и глубоких снегах. Он позабыл о своих ежедневных драках с товарищами по упряжке, об их